

Теоретическая и практическая КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Д. Тёрнер

Т. Бонакер

Н. Митчелл, Д. Маккормик

Б. Харфф, Т. Р. Гарр

С. Хантингтон

М. Дойч

М. Г. Росс

А. П. Шмид

Д. Дж. Д. Сандоул

Т. Саати

Теоретическая и практическая конфликтология

Коллектив авторов

**Теоретическая и практическая
конфликтология. Книга 2**

«Институт Мира и исследования конфликтов»

УДК 316.48 (075.8)

ББК 60.52

Коллектив авторов

Теоретическая и практическая конфликтология. Книга 2 /
Коллектив авторов — «Институт Мира и исследования
конфликтов», — (Теоретическая и практическая конфликтология)

ISBN 978-5-9907824-0-2

Учебное пособие представляет собой хрестоматию, включающую переводы статей и разделов монографий ведущих зарубежных исследователей, разрабатывающих проблемы в области предупреждения и урегулирования конфликтов. В разделах хрестоматии раскрываются теоретические и методологические подходы к анализу социальных конфликтов и анализируются практические стратегии их разрешения. Учебное пособие предназначено для преподавателей вузов, аспирантов, студентов, обучающихся по образовательной программе «Конфликтология», а также специалистов, работающих в сфере урегулирования конфликтов.

УДК 316.48 (075.8)

ББК 60.52

ISBN 978-5-9907824-0-2

© Коллектив авторов
© Институт Мира и исследования
конфликтов

Содержание

Становление теории конфликта	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Теоретическая и практическая конфликтология Книга 2

Становление теории конфликта Джонатан Тёрнер

Составлено по: *Тёрнер Д.* Структура социологической теории / пер. с англ.; общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Прогресс, 1985 [*Turner J. H.* The Structure of Sociological Theory. Homewood, Illinois: The Dorsey press, 1974].

По мере того как раскрывались существенные особенности схемы Парсонса, все содержание критических замечаний в его адрес сконцентрировалось вокруг одного пункта. Считалось, что функциональная теория в социологии, особенно ее разработанный Парсонсом вариант, затушевывает конфликтную природу социальной действительности. Вскоре эти нападки превратились в ритуальную церемонию для тех социологов, которые пытались теоретически искупить прошлые грехи и которые теперь считали, что теория конфликтов должна вывести социологию из теоретического застоя.

Как доказывал Дэвид Локвуд¹, Парсонс, который в интересах функционального анализа постоянно допускал, что система находится в состоянии равновесия, создал вымышленную концепцию социальной жизни. Исходя из этого фантастического мира (так Локвуд обозначил содержание концепции Парсонса), функциональный анализ обязательно должен был подчеркивать только те механизмы, которые поддерживали социальный порядок, а отнюдь не те, которые систематически порождали беспорядок и перемены. Более того, постоянно предполагая порядок и равновесие, такие повсеместные явления, как неустойчивость, беспорядок, конфликты стали считать отклонениями, аномалиями и патологией. Тогда как в действительности, настаивал Локвуд, в обществе были «механизмы», которые делали конфликты неизбежными и неотвратимыми. Например, из-за различий в распределении власти одни группы могли эксплуатировать другие, и в социальных системах складывались очаги напряженности и конфликтов, нехватка ресурсов в обществе неизбежно порождала борьбу за их распределение. Наконец, то обстоятельство, что из-за различия своих интересов разные общественные группы преследуют разные цели и, следовательно, должны соперничать друг с другом, приводит к тому, что конфликт обязательно должен разыграться. Эти силы, доказывал Локвуд, представляли «механизмы» социального беспорядка, которые при исследовании социальных систем должны иметь такое же аналитическое значение, как и парсонсовские механизмы социализации и социального контроля. Ральф Дарендорф окончательно сформулировал аргументацию этого направления, сравнив функциональную теорию с утопией². Утопии обычно имели несколько исторических предшественников, как, например, имела их гипотеза равновесия Парсонса; утопии обнаруживали универсальную согласованность преобладающих ценностей и институтов – в духе, поразительно напоминающем парсонсовское понятие институционализации; утопии всегда выявляли процессы, благодаря которым поддерживается ныне существующее устройство, что очень похоже на «механизмы» парсонсовской «социальной системы». Следовательно, и уто-

¹ *Lockwood D.* Some Remarks on «The Social System» // *British Journal of Sociology.* June 1956. No. 7. P. 134–146.

² *Dahrendorf R.* Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis // *American Journal of Sociology.* September 1958. No. 744. P. 115– 127.

пии, и социальная жизнь, если их рассматривать с функциональной точки зрения, изменяются не слишком серьезно, так как они не имеют отношения ни к истории, ни к расхождению с ценностями, ни к конфликтам в институциональном устройстве.

Таким образом, были заново открыты конфликты и изменения, что побудило некоторых провозгласить данную точку зрения и ее конфликт «новой социологией»³. Но в действительности конфликтное направление так же старо, как и функционализм, оно имеет своим источником работы двух немецких социологов – Карла Маркса и Георга Зиммеля, которые были почти современниками выдающихся органицистов. И подобно тому как современный функционализм подтверждает правоту этих органицистов, так и современная теория конфликта многим обязана мыслям Маркса и Зиммеля.

Карл Маркс и диалектическая теория конфликта. Развивая модель конфликта революционного класса и социального изменения, Маркс создал такой образ социальной организации, который оказывает значительное влияние на современную социологическую теорию. Маркс начинает с простого допущения: экономическая организация, особенно собственность, определяет организацию всего остального общества. Классовая структура и институциональное устройство, так же как и культурные ценности, убеждения, религиозные догмы и другие идеи, существующие в социальных системах, в конечном итоге являются отражением экономического базиса общества. Затем он ввел дополнительное допущение: экономической организации любого общества, за исключением конечного коммунистического общества, свойственны такие силы, которые неизбежно порождают революционный классовый конфликт. Считается, что такие революционные классовые конфликты имеют диалектический характер и происходят в определенную эпоху, причем сменяющие друг друга базисы экономической организации несут в себе зародыши собственного разрушения благодаря поляризации классов и последующему свержению господствующего класса угнетенным. Отсюда следует третье допущение: конфликт имеет два полюса, причем эксплуатируемый класс, сложившийся в определенных экономических условиях, начинает сознавать свои истинные интересы и, в конце концов, образует революционную политическую организацию, которая выступает против господствующего, владеющего собственностью, класса.

На основе работ Маркса возникает ряд допущений, которые бросают прямой вызов допущениям, приписываемым функционализму, и служат интеллектуальным трамплином для конфликтной альтернативы социологического теоретизирования:

1. Несмотря на то что социальные отношения проявляют свойства систем, они изобилуют конфликтными интересами.
2. Это обстоятельство свидетельствует о том, что социальная система систематически порождает конфликты.
3. Следовательно, конфликт является неизбежным и очень распространенным свойством социальных систем.
4. Подобные конфликты имеют тенденцию проявляться в полярной противоположности интересов.
5. Конфликты чаще всего происходят из-за недостаточности ресурсов, особенно власти.
6. Конфликт – это главный источник изменения социальных систем.

По-видимому, на развитие современной теории конфликта помимо этих допущений, имеющих законную силу, такое же влияние оказали форма и содержание причинных представлений Маркса. Эти представления принимают в общем форму следующего допущения:

³ См., напр.: *Horowitz L. L. The New Sociology: Essays in Social Science and Social Theory.* New York: Oxford University Press, 1964.

конфликт – это неизбежная и неотвратимо действующая в социальных системах сила, которая активизируется при некоторых специфических условиях. Считается, что при некоторых из этих условий латентные классовые интересы (находящиеся в состоянии «ложного сознания»), превращаются в явные классовые интересы («классовое сознание»), а это, в свою очередь, при определенных дополнительных условиях приводит к поляризации общества на два класса, соединенных в революционном конфликте. Таким образом, по Марксу, существует ряд условий, которым отводится роль опосредующих переменных, ускоряющих или замедляющих неизбежное превращение классовых интересов в революционный классовый конфликт.

Помимо способа аргументации большое значение для понимания современной социологической теории имеет содержание модели Маркса. Изложим предложения теоретической схемы Маркса в более абстрактной форме, чтобы отвлечься от его полемики по поводу социальных классов и революций. Эти положения приводятся в табл. 1⁴.

Таблица 1

Ключевые тезисы Маркса

I. Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы.

II. Чем глубже подчиненные сегменты начинают осознавать свои истинные коллективные интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов.

A. Чем больше социальные перемены, производимые господствующими сегментами, подрывают существующие в настоящее время отношения между подчиненными, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные интересы.

B. Чем чаще господствующие сегменты создают у подчиненных состояние отчуждения, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

B. Чем больше члены подчиненных сегментов смогут жаловаться друг другу, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем больше экологическая концентрация членов подчиненных групп, тем более вероятно, что они сообщают друг другу свои жалобы.

2. Чем выше возможности членов подчиненных групп получить образование, чем разнообразнее используемые ими средства коммуникации, тем более вероятно, что они должны будут обмениваться жалобами.

Г. Чем больше подчиненные сегменты сумеют развить унифицированную идеологию, тем более вероятно, что они начнут сознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем выше способность вербовать или порождать идеологов, тем вероятнее идеологическая унификация.

2. Чем ниже способность господствующих групп регулировать процессы социализации и сети коммуникаций в системе, тем более вероятна идеологическая унификация.

III. Чем больше подчиненные сегменты системы сознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более

⁴ Любопытно, что причинная аргументация гораздо лучше выражена в полемических работах Маркса, например в «Манифесте коммунистической партии». Суждения Маркса были восприняты современной теорией конфликта и, следовательно, представляют для нас интерес.

вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы.

А. Чем меньше способность господствующих групп проявлять свои коллективные интересы, тем более вероятно, что подчиненные группы должны будут вступить в конфликт сообща.

IV. Чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства, тем сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы.

V. Чем сильнее поляризации господствующих и угнетенных, тем более насильственным будет конфликт.

VI. Чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и перераспределение недостающих ресурсов.

В приведенной таблице сделанные Марксом допущения о природе социальной действительности и ее ключевых причинных связях выражены пропозиционально. Именно благодаря этой пропозициональной форме можно будет надолго сохранить вклад Маркса в современную социальную теорию.

Георг Зиммель и конфликтный функционализм. Г. Зиммель стремился сформулировать такие теоретические суждения, которые в своей совокупности уловили бы форму базисных социальных процессов, – подход, который он назвал формальной социологией. Сначала он попытался на основе своих собственных размышлений создать абстракции формальных свойств процессов и событий в самых разнообразных социальных контекстах. При этом Зиммель надеялся развить абстрактные положения, которые позволили бы выделить наиболее фундаментальные социальные процессы, лежащие в основе всех образцов социальной организации. Именно здесь, в этой деятельности, его гений проявился гораздо очевиднее, чем в кратком очерке, посвященном конфликту⁵, который послужил главным источником современной социологической теории конфликта.

Подобно Марксу Зиммель считал, что конфликт в обществе неизбежен и неотвратим, он полагал, что социальная структура состоит не столько из господства и подчинения, сколько из разнообразных, неразрывно связанных процессов ассоциации и диссоциации, которые можно отделить друг от друга только в ходе анализа: «Структура, возможно, есть *suī generis*, в которой мотивация и форма циклически взаимодействуют друг с другом, и только для того, чтобы иметь возможность описать, понять ее, мы *post factum* сопоставляем обе эти тенденции, считая одну из них монистической, а другую – антагонистической»⁶.

Причина, по которой Зиммель придает этому положению особое значение, отчасти заключается в его «организмической» точке зрения на социальную действительность: обнаруживая формальные свойства, социальные процессы, очевидно, носят системный характер – замечание, которое, несомненно, выведено из организмических доктрин, господствовавших в социологии в его время. Этот деликатный органицизм заставляет Зиммеля отыскивать те последствия конфликта, которые ведут к сохранению социального континуума, а не к его изменению: «Конфликт, таким образом, предназначен для решения любого дуализма – это спо-

⁵ Все дальнейшие ссылки на эту работу даны по следующему источнику: *Simmel G. Conflict and the Web of Group Affiliation* / trans. K. H. Wolff. Clencoe, Ill.: Free Press, 1956.

⁶ *Ibid.* P. 23. – Однако Зиммель со своей обычной осмотрительностью предостерегает: «Это обстоятельство не должно заставлять нас проходить мимо тех многочисленных случаев, когда противоречивые тенденции действительно сосуществуют вместе, будучи при этом независимыми друг от друга, и, таким образом, могут быть в любой момент выделены из общей ситуации» (*Ibid.* P. 23–24).

соб достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте. Здесь мы можем провести некоторую параллель с тем, что, как известно, наиболее сильный симптом болезни – это попытка организма избавиться от нарушений и повреждений, вызываемых конфликтами его частей»⁷.

В явном противоречии с гармонией, которая обязательно подразумевается этим органицизмом, Зиммель постулировал для отдельных единиц органического целого внутренний «импульс враждебности», или «потребность *ненавидеть и бороться*», хотя этот инстинкт и смешан с инстинктами любви и страсти и ограничен действием общественных отношений. Следовательно, Зиммель считал, что конфликт выражает не просто столкновение интересов, но и нечто большее – нечто такое, что возникает на основе инстинктов враждебности. Подобные конфликты могут либо обостряться из-за столкновений интересов, либо смягчаться – как благодаря гармонии отношений, так и вследствие инстинкта любви. Однако в конечном итоге Зиммель все же считает, что одним из конечных источников конфликта является внутренняя биологическая природа людей – «актеров».

Возможно, благодаря попыткам совместить свои допущения о природе социального организма с замечаниями относительно инстинктов любви и ненависти, Зиммель предпринял попытку анализа положительных последствий конфликта для сохранения социального целого и составляющих его единиц. При этом враждебные импульсы рассматривались им не столько как противоречия, или как рак, разъедающий органическое целое, сколько в качестве одного из тех многочисленных процессов, которые обеспечивают сохранение социального организма. Таким образом, хотя Зиммель и признает, что полностью кооперированное, гармоническое и интегрированное общество не обнаружило бы «никаких процессов жизнедеятельности», все же его анализ конфликта обращает внимание в основном на то, каким образом конфликт содействует сплоченности и унификации.

В работах Зиммеля, посвященных конфликту, складывается образ организации общества, принципиально отличный от той картины, на которой настаивает Маркс:

1. Социальные отношения складываются лишь в системном контексте, воплощением которого служит только органическая взаимосвязь процессов ассоциации и диссоциации.
2. Подобные процессы – это одновременно выражение и инстинктивных импульсов «актеров», и императивов, продиктованных различными типами социальных отношений.
3. Следовательно, конфликтные процессы – это очень распространенная черта социальных систем, однако они далеко не обязательно и отнюдь не во всех случаях приводят к разрушению системы и/или социальным изменениям.
4. Действительно, конфликт – это один из главных процессов, которые служат сохранению социального целого и/или некоторых составляющих его частей.

Эти допущения отражены в многочисленных специфических высказываниях⁸, которые, очевидно, сделаны Зиммелем на основе прямого наблюдения происходящих вокруг событий и чтения исторических источников, объясняющих конфликты. В своих высказываниях Зиммель рассматривает конфликты в качестве *переменной*, которая проявляет различные степени интенсивности или силы. Полюсами того континуума, который образован этой переменной,

⁷ Ibid. P. 13.

⁸ Зиммель не заботился о том, чтобы создать научную теорию: скорее он интересовался тем, чтобы вывести общественные формы процессов взаимодействия. Это постоянное внимание к форме довольно легко превращает многие аналитические суждения Зиммеля в высказывания. Однако следует подчеркнуть, что подобная трансформация содержит в себе риск дать им неверную интерпретацию.

по-видимому, являются «конкуренция» и «борьба», причем конкуренция связана с более упорядоченной взаимной борьбой партий, приводящей к их взаимному обособлению, а борьба обозначает более беспорядочную, непосредственную битву партий⁹.

Зиммель не дает экстенсивной разработки функциональных параметров конфликта и не пользуется своей собственной терминологией, тем не менее его определения вызвали у современных социологов затянувшуюся дискуссию о том, что является и что не является конфликтом¹⁰. Эта дискуссия часто превращалась в игру слов и терминов, но, по существу, она ставила серьезную проблему уточнения понятий, употребляемых в высказываниях о конфликтных процессах, именно эту спорную теоретическую проблему Зиммель совершенно очевидно считал решающей.

Вероятно, органицизм Зиммеля сыграл решающую роль в концептуализации конфликта как изменчивого явления. В отличие от Маркса, который думал, что конфликт, в конце концов, обязательно усиливается, приобретает революционный характер и приводит к структурным изменениям системы, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера – менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы, стимулировали ее упорядоченные изменения¹¹. Однако в пределах своего мягкого органицизма Зиммель все же высказал ряд суждений, относящихся к остроте конфликта, т. е. к степени прямой конфронтации и насилия борющихся партий. Как и в случае с Марксом, все воздействие исследований Зиммеля на современную теорию можно будет лучше понять в том случае, если изложить его положения более формализовано, в абстрактном виде по сравнению с его описательным очерком, что и сделано в табл. 2.

Таблица 2

Ключевые положения Зиммеля об остроте конфликтов¹²

I. Чем больше группы вовлечены в конфликт эмоционально, тем острее конфликт.

А. Чем выше была раньше степень причастности групп к конфликту, тем сильнее они вовлечены в него эмоционально.

Б. Чем сильнее была раньше вражда между группами, принимающими участие в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом.

В. Чем сильнее соперничество участвующих в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом.

II. Чем лучше «сгруппированы» группы, втянутые в конфликт, тем он острее.

III. Чем выше относительная сплоченность участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт.

IV. Чем крепче было раньше согласие участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт.

V. Чем меньше изолированы и обособлены конфликтующие группы благодаря широкой социальной структуре, тем острее конфликт.

VI. Чем меньше конфликт служит просто средством достижения цели, чем больше он становится самоцелью, тем он острее.

⁹ Simmel G. Conflict and the Web of Group Affiliation. P. 58.

¹⁰ Итоги этой дискуссии превосходно подводятся в следующей статье: Fink C. F. Some Conceptual Difficulties in the Theory of Social Conflict // Journal of Conflict Resolution. December 1968. No. 12. P. 412–460.

¹¹ Пьер ван ден Берг показывал, что в результате диалектическая модель конфликта – это модель, в которой на основе конфликта возникает унификация – хотя бы временная. Но как будет пространно показано в следующей главе, онтологические различия между Марксом и Зиммелем привели к созданию совершенно разных направлений современной социологии. См.: Van den Berghe P. Dialectic and Functionalism: Toward a Theoretical Synthesis // American Sociological Review. October 1963. No. 28. P. 695–705.

¹² См.: Simmel J. Conflict and the Web of Group Affiliation. Free Press, 1964. P. 38–67.

VII. Чем больше, по представлению его участников, конфликт выходит за пределы индивидуальных целей и интересов, тем он острее.

В предложении I Зиммель обращается к вопросу об эмоциональной причастности к конфликту участвующих в нем партий, он полагает, что чем сильнее эмоции, вызванные конфликтом, тем с большей вероятностью конфликт будет связан с применением насилия. Предложения I-A и I-B, которые, по-видимому, относятся к межличностным конфликтам отдельных индивидов, делают ударение на том, что чувства, вызванные прежней близостью, враждой или ревностью, усилят остроту такого конфликта. В предложениях II–VII Зиммель переключается на групповые конфликты. Он предполагает, что чем лучше различаются и идентифицируются конфликтующие друг с другом группы (II), тем больше будет их внутренняя сплоченность (III). Далее, вероятность того, что конфликт вызовет применение насилия, будет тем выше, чем гармоничнее были раньше отношения участвующих в конфликте групп (IV), чем меньше эти группы были изолированы и обособлены (V), чем больше каждая из этих групп считает конфликт самоцелью (VI), чем больше члены конфликтующих групп полагают, что конфликт выходит за пределы их индивидуальных интересов (VII).

Зиммель понимает, что связанная и унифицированная организация конфликтных групп (предложения II–III), члены которых испытывают в связи с конфликтом сильные эмоции (I) и цели которых определяются как наиндивидуальные (VII), в результате приведет к конфликтам, связанным с применением насилия. Он не считает, что такие острые конфликты непременно вызовут реорганизацию социальной системы. Несмотря на то, что Зиммель согласен с Марксом в том, что конфликт и объединяет, и поляризует конфликтные группы, тем не менее он подчеркивает, что конфликт приводит к дальнейшей интеграции более широкой социальной системы, в которой тот происходит. Этот интерес к интегративным функциям конфликта как для обеих его сторон, так и для социального целого, вероятно, совершенно неизбежен, если принять во внимание организмические допущения, на которых основывается формулировка специфических для Зиммеля суждений. В табл. 3 и 4 обобщаются функции конфликта и по отношению к вовлеченным в него группам, и по отношению к социальному целому¹³.

Таблица 3

Функции социального конфликта по отношению к его участникам¹⁴

I. Чем сильнее внутригрупповые раздоры и чаще межгрупповые конфликты, тем менее вероятно, что границы между группами должны исчезнуть.

II. Чем сильнее острота конфликта, чем меньше интегрирована группа, тем больше вероятность деспотической централизации конфликтных групп.

III. Чем острее конфликт, тем сильнее внутренняя сплоченность конфликтных групп.

A. Чем больше острота конфликта и меньше конфликтные группы, тем выше их внутренняя сплоченность.

1. Чем острее конфликт и меньше конфликтная группа, тем меньше в каждой группе терпимости к отклонениям и разногласиям.

B. Чем острее конфликт и чем больше группа выражает позицию меньшинства в данной системе, тем сильнее ее внутренняя сплоченность.

B. Чем острее конфликт и чем больше группа занята самообороной, тем сильнее ее внутренняя сплоченность.

¹³ Зиммель хорошо понимал такие явления, как войны и революции, знал, каковы их разрушительные последствия. Однако его исследования по преимуществу сосредоточены на менее острых конфликтах и на их значении для стабилизации, адаптации и упорядоченности социальных изменений.

¹⁴ См.: *Simmel J. Conflict and the Web of Group Affiliation*. Free Press, 1964. P. 18–97.

Таблица 4

Функции конфликта по отношению к социальному целому¹⁵

I. Чем меньше острота конфликта, чем больше социальное целое базируется на функциональной взаимозависимости, тем более вероятно, что конфликт имеет интегративные последствия для социального целого.

II. Чем чаще конфликты и чем они менее остры, тем лучше члены подчиненных групп избавляются от враждебности, могут почувствовать себя хозяевами своей собственной судьбы и, следовательно, способны поддерживать интеграцию системы.

III. Чем менее острый конфликт и чем он чаще, тем больше вероятность того, что будут созданы нормы, регулирующие конфликты.

IV. Чем сильнее вражда между группами в социальной иерархии, чем реже при этом открытые конфликты между ними, тем сильнее их внутренняя сплоченность, тем вероятнее, что они будут держать определенную социальную дистанцию и тем самым содействовать сохранению существующего социального порядка.

V. Чем более продолжительно и менее остро происходит конфликт между группами, в различной степени обладающими властью, тем более вероятно, что ониотрегулируют свое отношение к власти.

VI. Чем острее и продолжительнее конфликт, тем более вероятно, что группы, прежде не связанные между собой, образуют коалиции.

VII. Чем продолжительнее угроза острого конфликта между партиями, тем прочнее коалиции, в которые вступает каждая из сторон, участвующих в конфликте.

В табл. 3 предложения I–III указывают на последствия конфликта для организации конфликтных групп. Если вернуться к табл. 2, то там утверждается, что природа групповой организации и более широкий структурный контекст конфликта оказывают влияние на его остроту. Предложения же, представленные в табл. 3, напротив, указывают на то, что острота конфликта вызывает изменения в организации конфликтных групп, обеспечивая тем самым различные образцы организации для различных условий. По-видимому, Зиммель имеет в виду двусторонний процесс обратной связи, где в определенный момент времени организация группы детерминирует остроту конфликта, а впоследствии острота конфликта воздействует на групповую организацию, которая, в свою очередь, окажет воздействие на остроту дальнейших конфликтов и т. д. – и все это до тех пор, пока одна из участвующих в конфликте партий или какая-нибудь третья партия не сумеет разрешить этот конфликт. Зиммель считает, что в этом циклическом процессе обратной связи повышенная острота конфликта создает четкие границы между группами (I), деспотическое руководство (II), особенно в тех случаях, когда группа первоначально раздроблена; внутреннюю сплоченность (III), особенно тогда, когда группа невелика (III-A), находится в меньшинстве (III-B) и занята самообороной.

В табл. 4 Зиммель указывает, что ряд функций конфликта состоит в том, чтобы в различных условиях обеспечивать создание различных форм интеграции систем. В предложении I Зиммель высказывает предположение о том, что в дифференцированных социальных системах, основанных на функциональной взаимообусловленности частей, менее острые конфликты усиливают интеграцию систем преимущественно тем, что мешают возникновению острых разрушительных конфликтов. В предложении II Зиммель разъясняет и дополняет предложение I, замечая, что частые и не слишком длительные конфликты помогают избавиться от чувства враждебности, так как они внушают членам группы чувство контроля над своей собственной судьбой; поэтому частые и притом менее острые конфликты усиливают интеграцию, предотвращая всякую возможность накапливать чувства враждебности и раздражения. В предложе-

¹⁵ Ibid. P. 43–149.

нии III Зиммель далее показывает, что частые, неглубокие конфликты могут содействовать интеграции системы, поскольку они институциализируются и, следовательно, начинают регулироваться нормативно. В предложении IV он постулирует, что в иерархически организованных системах, где часто разражаются конфликты, внутренняя сплоченность потенциальных конфликтных групп возрастает, но при этом возрастают и их изоляция, обособленность друг от друга, обеспечивая тем самым иерархическую основу интеграции системы. Предложение V означает, что продолжительные неострые конфликты групп, в разной степени обладающих властью, вероятно, институциализируются и начинают регулироваться при помощи норм (главным образом потому, что те, кто находится у власти, видят в конфликте только неприятности и, следовательно, считают, что их нужно регулировать, тогда как те, кто не обладает властью, считают, что все то, что находится «за пределами» конфликта, потенциально подлежит разрушению и, следовательно, нуждается в регулировании). В предложении VI утверждается, что острые и продолжительные конфликты содействуют созданию коалиций, причем это относится не только к различным партиям, принимающим участие в конфликте, но и к тем, на кого конфликт может оказать какое-либо влияние; таким образом, считается, что конфликт обеспечивает основу для интеграции ранее не связанных групп. Наконец, в предложении VII высказывается следующая мысль: чем продолжительнее и сильнее угроза конфликта, тем вероятнее долговечные коалиции между его потенциальными участниками.

Если вернуться к основным положениям Зиммеля, приведенным в табл. 2, 3 и 4, то в них, очевидно, можно найти много пробелов, неясностей, а возможно, и неверных выводов. Кроме того, положения в табл. 3 и 4, по-видимому, останавливаются исключительно на положительных функциях конфликтов. Несмотря на то, что инверсия каждого из этих предложений могла бы показать, при каких условиях конфликт разрушает «социальный организм», Зиммель, по-видимому, не заботясь о том, чтобы дать необходимые разъяснения, предпочитает подкреплять свой органицизм односторонними функциональными высказываниями. Но схема Зиммеля производит большое впечатление, поскольку наводит на новые размышления. Дело не только в том, что по своему содержанию каждое предложение связано с коренными социальными процессами, но и в том, что по своей форме (т. е. при абстрагировании от наблюдений и от констатации условий, при которых, вероятно, происходят те или иные события) выполненный им анализ представляет собой подходящую модель для современного теоретизирования.

Несмотря на то, что и Маркс и Зиммель считали конфликт широко распространенным и необходимым свойством социальных систем, принятые ими допущения относительно природы общества в корне отличались друг от друга: Маркс подчеркивал антагонистический характер конфликтов, а Зиммель – его интегративные последствия. Эти различия выражаются в том, что они отдают предпочтение совершенно разным типам высказываний, причем Маркс обращается к условиям, которые могли бы разрешить конфликт, а Зиммеля интересует, при каких условиях может измениться острота конфликта. Маркса жизненно интересовали социально-структурные причины конфликта, тогда как Зиммель стремился сосредоточить свое внимание на форме и последствиях только что начавшегося конфликта, ограничиваясь при этом неопределенными ссылками на «борьбу инстинктов».

Сравнивая Маркса и Зиммеля, мы в равной мере заинтригованы тем обстоятельством, что все их высказывания, насколько можно обнаружить, противоречат друг другу. Например, если Зиммель доказывал, что чем яснее цели, преследуемые участниками конфликта, тем более вероятно, что конфликты можно считать просто средствами для достижения цели, причем в конфликте обе группы, пытаясь избежать той высокой цены, которую приходится платить за острые или насильственные конфликты, будут вынуждены искать компромиссов и дру-

гих альтернативных средств; Маркс доказывает нечто прямо противоположное, утверждая, что как только социальный класс осознает свои истинные интересы (и, следовательно, получит ясное представление о своих целях), то в этом случае насильственный конфликт становится в высшей степени вероятным. Расхождение этих высказываний, по-видимому, проистекает из-за различия принятых авторами допущений: Маркс допускает, что острый конфликт – это неизбежное и неотвратимое свойство социальных систем и их изменений, а Зиммель пишет о том, что конфликт это просто один и тот же процесс, меняющий свою остроту и имеющий разные последствия в том или ином социальном целом.

В какой-то мере современная теория конфликта попыталась объединить многообещающие особенности и схемы Маркса, и схемы Зиммеля, однако даже после того, как это было выполнено, современные теоретики с гораздо большим энтузиазмом стремились принять допущения и суждения либо одного, либо другого из этих мыслителей. Такая избирательность привела к тому, что в современной социологической теории сложились два основных направления, которые вдохновлялись либо Марксом, либо Зиммелем: 1) диалектическая теория конфликта и 2) конфликтный функционализм. Чаще всего считается, что именно эти направления обеспечат «новые» альтернативы функциональной социологической теории, и, следовательно, более адекватное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка: как и почему возможно общество?

Диалектика теории конфликта Ральфа Дарендорфа. Дарендорф постоянно доказывал, что схема Парсонса как и функционализм в целом, создает слишком гармоничное, интегративное и статичное представление об обществе. Несмотря на то, что, как считается, общество имеет «два облика» – облик всеобщего согласия и облик конфликта, – Дарендорф настаивает на том, что сейчас наступило время начать исследование «безобразного облика» общества и отказаться от утопической картины общества, созданной функционализмом. Чтобы покончить с утопиями, Дарендорф советует: «В будущем концентрировать внимание не только на конкретных проблемах, но и на таких, которые можно объяснить только с точки зрения напряженности, конфликта и перемен. Возможно, этот второй облик общества в эстетическом отношении окажется далеко не столь приятным, как социальная система, однако, если бы вся социология должна была отыскивать легкий путь к утопическому спокойствию, вряд ли это окупило бы наши усилия»¹⁶.

Следовательно, чтобы избежать утопии, требуется одностороннюю функциональную модель заменить односторонней конфликтной моделью. Несмотря на то, что Дарендорф не считает эту перспективу конфликта единственным обликом общества¹⁷, все же она является необходимым дополнением, которое восполнит прежнюю неадекватность функциональной теории. Именно из этого теоретического призыва возникает модель диалектической перспективы конфликта, которая, как провозглашает Дарендорф, больше соответствует тому, что происходит в мире, чем функционализм, и, следовательно, служит единственным выходом из утопии. В своем анализе Дарендорф никогда не забывает отметить, что в социальных системах, совершенно очевидно, помимо конфликтов происходят и другие процессы и что даже те конфликтные явления, которые он предлагает изучить, не исчерпывают всего многообразия

¹⁶ Dahrendorf R. Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis // American Journal of Sociology. September 1958. No. 64. P. 127.

¹⁷ Дарендорф подчеркивает: «Я не намерен впадать в ошибку, жертвами которой стали многие теоретики-функционалисты, и предъявлять конфликтной модели требование всеобщего и исключительного применения... если говорить в философском смысле, то, вполне возможно, общество имеет два одинаково реальных облика: один – облик устойчивости, гармонии и единодушия, а другой – облик перемен, конфликтов и напряженности» (Ibid.). Однако в действительности подобное отречение служит оправданием и доказательством первичности конфликта в обществе. Провозглашая, что функционализм одностороннен, оно превращает теорию конфликта в жертву такой же односторонности – с тем, однако, чтобы «уравновесить» прошлую односторонность.

общественных конфликтов. Однако, высказав все это, Дарендорф затем приступает к такому исследованию, которое, по-видимому, противоречит этой характеристике, ибо в нем постоянно подразумевается, что данная конфликтная модель представляет собой более всеобъемлющую «теорию» общества, обеспечивающую более адекватное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка.

Согласно представлениям Дарендорфа *об общественном порядке*¹⁸ институционализация связана с созданием «императивно координированных ассоциаций» (в дальнейшем обозначаемых как ИКА), которые не имеют строгих критериев для своего определения и представляют собой хорошо различимую организацию ролей. Для этой организации характерны отношения власти, причем некоторые комплексы ролей обладают властью подчинять себе другие комплексы. Несмотря на то, что высказывания Дарендорфа по этому вопросу несколько неясны, очевидно, что *любую* социальную единицу – от небольшой группы (или учреждения) до общества или общества в целом – можно в интересах исследования рассматривать в качестве ИКА, если в организации ролей существует явное дифференцированное распределение власти. Следовательно, несмотря на то, что власть обозначает насилие одних над другими, в ИКА эти отношения власти стремятся стать узаконенными, следовательно, их можно рассматривать как отношения *авторитета*, где некоторые подразделения имеют «общепризнанное» или «нормативное» право властвовать над другими¹⁹. Таким образом, по представлению Дарендорфа, «общественный порядок» поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета в различных типах ИКА, существующих в каждом слое социальных систем.

Однако в то же время власть и авторитет – весьма дефицитные ресурсы, за которые идет борьба и конкуренция между подгруппами вышеназванных ИКА и которые, следовательно, служат главными источниками конфликтов и перемен в этих институционализированных образцах. Этот конфликт в конечном итоге служит отражением того, каково отношение к авторитету различных ролей в ИКА, так как «объективные интересы» той или иной роли находятся в прямой зависимости от того, пользуется ли та или иная роль авторитетом, обладает ли она властью над другими ролями. Однако хотя разные роли в ИКА в разной мере пользуются авторитетом, в любой конкретной ИКА можно выделить два основных типа ролей – правящих и управляемых, причем правящие комплексы «заинтересованы» в сохранении status quo, а управляемые – в перераспределении власти или авторитета. При определенных условиях осознание этой противоположности интересов возрастает, и вследствие этого ИКА поляризуется на две конфликтные группы, каждая из которых отныне сознает свои объективные интересы, которые затем вступают в конкуренцию с авторитетом. «Решение» этой конкуренции или конфликта влечет за собой перераспределение авторитета в ИКА, превращая таким образом конфликт в источник социальных изменений в социальных системах. В свою очередь, перераспределение авторитета представляет собой институционализацию нового комплекса правящих и управляемых ролей, при определенных условиях поляризующихся на две группы интересов, которые снова начинают конкурировать друг с другом в борьбе за авторитет. Итак, социальная действительность служит прообразом этих бесконечно повторяющихся конфликтов по поводу авторитета в различных типах ИКА, из которых состоит социальная система. Иногда конфликты в различных существующих в обществе ИКА частично накладываются друг

¹⁸ Есть целый ряд современных диалектических моделей конфликта, которые можно было бы обсудить в этой главе. Например, Джон Рекс представил модель, аналогичную модели Дарендорфа (см.: *Rex J. Key issues in Sociological Theory*. London: Routledge & Kogan Paul, 1961). Но так как именно Дарендорф является наиболее влиятельным представителем теории конфликта в современной социологии, то, видимо, гораздо лучше внимательно изучить его модель, а не расплывать исследования на несколько диалектических моделей конфликта.

¹⁹ *Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict // Journal of Conflict Resolution*. June 1958. No. 2. P. 170–183; *Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1959. P. 168–169; *Dahrendorf R. Gesellschaft und Freiheit*. Munich: R. Piper, 1961; *Dahrendorf R. Essays in Theory of Society*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1967.

на друга, что приводит к крупным конфликтам, охватывающим большие сегменты общества, тогда как в другое время и при других условиях эти конфликты ограничиваются рамками конкретной ИКА.

Представление об институционализации как о циклическом или диалектическом процессе привело Дарендорфа к исследованию только некоторых ключевых причинных отношений: 1) принимается, что конфликт – это неотвратимый процесс, возникающий из-за противоположности сил, действующих в социально-организованных структурах; 2) подобный конфликт ускоряется или замедляется благодаря ряду опосредующих структурных условий или переменных; 3) «решение» конфликта в какой-то момент времени создает такое состояние структуры, которое при определенных условиях с неизбежностью приводит к дальнейшим конфликтам противоборствующих сил.

Такая позиция сильно отличается от позиции Маркса, считающего, что отношения авторитета – это просто «надстройка», которая, в конце концов, будет разрушена динамичными конфликтами, происходящими на более глубоких уровнях, чем институционализированные структуры. Отказ подчеркивать вслед за Марксом «внутреннюю институциональную структуру» вынуждает Дарендорфа отыскивать источник конфликта в тех самых отношениях, которые – хотя и временно – интегрируют ИКА. Быть может, сам по себе этот перенос удара весьма желателен, поскольку Дарендорф открыто признает, что власть лишь отчасти является отражением отношений собственности. Однако вскоре станет совершенно очевидно, что представление о власти только как об авторитете может привести к аналитическим проблемам, которые легко могут оказаться столь же трудными, как и те, что возникают в полемически заостренной модели Маркса.

Эмпирические категории Дарендорфа очень сильно отличаются от эмпирических категорий Маркса. Однако форма анализа во многом остается той же самой, так как каждый из них полагает, что вопросы эмпирических условий социальной организации, того, как эта организация превращается в отношения господства и подчинения и создает противоположность интересов, не являются проблематичными и не нуждаются в причинном анализе. Согласно Марксу и Дарендорфу причинный анализ начинается с разработки условий, которые приводят к росту классового сознания (Маркс) или к осознанию квазигруппами своих объективных интересов (Дарендорф); затем анализ переключается на создание политизированного класса «для себя» (Маркс) или подлинной «конфликтной группы» (Дарендорф), наконец, особое внимание обращается на возникновение конфликта между поляризованными и политизированными классами (Маркс) или конфликтными группами (Дарендорф).

Самая заметная критика причинных представлений Дарендорфа исходит от Петра Вейнгардта²⁰, который доказывал, что, отклоняясь от Марксовой концепции «внутренней структуры» противоположных интересов, находящейся в основании культурных и институциональных надстроек, созданных правящими классами, Дарендорф расплачивается за это тем, что теряет возможность выполнить подлинно причинный анализ конфликта и, следовательно, выяснить, каким образом изменяются формы социальной организации. Эта критика ставит вопросы, напоминающие о сходстве функционализма Дарендорфа и Парсонса: неужели конфликт возникает из легитимизированных отношений авторитета между различными ролями в ИКА? Неужели та же самая структура, которая создает интеграцию, производит и конфликт? Хотя схема Маркса сталкивается с эмпирическими проблемами, причинный анализ не ставит перед ней аналитических проблем, так как источник конфликта – противоположность экономических интересов – четко отделяется от институциональных и культурных учреждений, поддерживающих временный порядок – социальную надстройку. Дарендорф, однако, затушевы-

²⁰ Weingardt P. Beyond Parsons. A Critique of Ralf Darendorf's Conflict Theory // Social Forces. December 1969. No. 48. P. 151–165.

вает это различие и, таким образом, попадает в ту же самую аналитическую западню, которую он приписывал функциональной теории: изменение, вызывающее конфликт, таинственным образом должно возникать из легитимизированных отношений в социальной системе.

Единственная задача, которую пытается решить Дарендорф, состоит в том, чтобы доказать, что многие роли имеют также и дезинтегрирующий аспект, поскольку они олицетворяют противоположность интересов тех, кто их исполняет. Эта противоположность интересов отражается в конфликте ролей, который, по-видимому, сводит все спорные вопросы ролевой напряженности и конфликта к дилеммам, создаваемым объективной противоположностью интересов. Уравнивая интересы и ролевые экспектации (ожидания), Дарендорф, вероятно, должен был бы предположить, что все институционализированные образцы, или ИКА, обнаруживают два противоположных ряда ролевых экспектаций – либо подчиняться, либо возмущаться, а «актеры» должны «решать» сами, каким экспектациям они будут следовать. Возможно, актеры хотят понять свои «объективные интересы» и, следовательно, восстают против ролевых экспектаций, возлагаемых на них господствующей группой. Эта задача заставляет модель Дарендорфа сводить происхождение конфликта к желаниям, воле и чувствам отдельного человека или группы – редукционистский императив, который Дарендорф наверняка бы отверг, если бы он не был столь очевидно продиктован его собственными причинными представлениями.

Несмотря на неопределенность своего причинного анализа, Дарендорф все же систематически пытается выяснить, какие «опосредующие эмпирические условия» вызывают превращение «квазигрупп» в «конфликтные группы», а также какие условия влияют на остроту конфликта (причастность к нему членов группы), его насильственный характер (степень регуляции), степень и темп структурных изменений, вызванных конфликтом. Если выразиться более формализованно, Дарендорф выделяет три типа опосредующих эмпирических условий: 1) «условия организации», влияющие на трансформацию латентных квазигрупп в явные конфликтные группы; 2) «условия конфликта», определяющие форму и остроту конфликта; 3) «условия структурных изменений», влияющие на характер, темпы и глубину изменений социальной структуры²¹.

Таким образом, в теоретической схеме получили явное признание следующие переменные: 1) степень сформированности конфликтных групп; 2) степень остроты конфликта; 3) степень его насильственности; 4) степень изменения социальной структуры; 5) темпы подобных изменений. Для тех критических замечаний, которые будут приведены ниже, большое значение имеет следующее обстоятельство: такие понятия, как, например, «ИКА», «законность», «авторитет», «насилие», «господство» и «подчинение», не определены *эксплицитно* в качестве переменных, для которых требуется оговорить, какие условия влияют на их изменения. Скорее, эти понятия либо просто определяются, а потом и связываются друг с другом из-за частичного совпадения их определений, либо излагаются в виде допущений относительно природы социальной реальности.

По отношению к тем явлениям, которые концептуализируются в качестве переменных, высказывания Дарендорфа²², по-видимому, являются разработкой высказываний, развиваемых Марксом, как это видно из табл. 5. Кроме того, в заслугу Дарендорфу можно поставить его попытки действительно придать своим высказываниям систематическую форму, что является трудной задачей, которую не слишком часто удавалось выполнить социологам-теоретикам.

Таблица 5

Положения схемы Дарендорфа

I. Чем больше члены квазигрупп в ИКА могут осознать свои объективные интересы и образовать конфликтную группу, с тем большей вероятностью произойдет конфликт.

²¹ Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict.

²² Ibid.

А. Чем больше будет собрано «технических» условий организации, тем вероятнее образование конфликтной группы.

1. Чем больше в квазигруппах будет создано руководящих кадров, тем вероятнее, что образуются все «технические» условия организации.

2. Чем более кодифицирована идея системы, или хартия, тем вероятнее, что сложатся все «технические» условия организации.

Б. Чем шире будет круг «политических» условий организации, тем вероятнее, что образуется конфликтная группа.

1. Чем больше господствующие группы разрешают организацию противоположных им интересов, тем выше вероятность того, что будут собраны все «политические» условия организации.

В. Чем больше можно собрать «социальных» условий организации, тем выше вероятность образования конфликтных групп.

1. Чем больше у членов квазигрупп возможностей общаться друг с другом, тем больше вероятность того, что сложатся все «социальные» условия организации.

2. Чем больше новых членов могут иметь структурные образования (например, родство), тем выше вероятность того, что сложатся все «социальные» условия организации.

II. Чем больше соберется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем острее конфликт.

III. Чем больше распределение авторитета связано с распределением других вознаграждений (наложение), тем острее конфликт.

IV. Чем меньше мобильность между господствующими и подчиненными группами, тем острее конфликт.

V. Чем меньше складывается «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем более насильственный характер приобретает конфликт.

VI. Чем больше обнищание угнетенных, связанных с распределением вознаграждений, переключается с абсолютного базиса на относительный, тем более насильственным является конфликт.

VII. Чем меньше конфликтные группы способны приходиться к соглашениям, тем более насильственным является конфликт.

VIII. Чем острее конфликт, тем больше он вызовет структурных изменений и реорганизаций.

IX. Чем более насильственным является конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорганизаций.

Одним из самых очевидных недостатков развиваемого Дарендорфом направления является неудача всех его попыток представить основные понятия в качестве *переменных*. В этом отношении наибольшее внимание обращают на себя понятия авторитета, господства – подчинения и интереса. Так как конфликт в конечном итоге возникает из легитимизации отношений авторитета, то довольно удивительно, что это понятие не считается таким переменным, минимальное значение которого изменяется благодаря изменениям таких свойств, как острота, размах и узаконенность. Дарендорф скорее предпочитает уклониться от этой проблемы: «В этом исследовании мы даже не будем пытаться создать типологию авторитета. Однако здесь повсеместно допускается, что существование господства и подчинения – это общая черта всех воз-

можных типов авторитета и всех возможных типов ассоциации и организации»²³. Типология авторитета могла бы дать некоторые указания относительно изменения состояний авторитета и связанных с ним понятий – обстоятельство, которое Дарендорф, по-видимому, предпочитает игнорировать, просто доказывая, что всякий авторитет подразумевает господство и подчинение, которые, в свою очередь, придают ему дихотомическую структуру, необходимую для его диалектической теории конфликта интересов. Он отказывается размышлять над тем, в *каких типах* авторитета можно обнаружить, что такие-то и такие-то состояния *переменных* приводят к таким-то и таким-то *типам изменений* господства и подчинения, которые, в свою очередь, служат причиной того, что такие-то *переменные типы* противоположных интересов приводят к таким-то *переменным типам* конфликтных групп. Таким образом, только при помощи допущений и определений Дарендорф связывает между собой основные переменные, которые находятся в причинной зависимости друг от друга так же, как и от других величин, которые в его схеме эксплицитно являются переменными: степень конфликта, степень остроты конфликта, степень его насильственности, степень и темпы изменений. На самом же деле очень вероятно, что именно эти, не выраженные в виде переменных свойства, – авторитет, господство, интересы – оказывают не менее серьезное влияние на такие эксплицитно сформулированные в его схеме переменные, как «опосредующие эмпирические условия», которые Дарендорф предпочитает выделить особо. Кроме того, как отмечалось выше, понятия авторитета, господства – подчинения и интересов, если рассматривать их в качестве переменных, требуют своих собственных «опосредующих эмпирических условий». В свою очередь, эти условия могут влиять на иные, следующие за ними условия, подобно тому, как «условия организации» согласно схеме воздействуют на последующую остроту и насильственный характер конфликта.

Дарендорф, как явствует из его анализа классовых конфликтов в индустриальном обществе, озабочен тем, чтобы обеспечить формальные определения главных понятий и наметить операциональное решение вопроса об их применении в конкретных эмпирических ситуациях²⁴. Кроме того, включение по крайней мере нескольких понятий в эксплицитный перечень предложений (хотя и неполный) приводит к тому, что схема, по-видимому, начинает легче поддаваться проверке и опровержению.

Однако остается ряд методологических проблем, одна из которых связана с тем, что этим понятиям даны чрезмерно общие определения. Несмотря на то, что эти определения формализованы, они зачастую носят настолько общий характер, что их можно применять *ad hoc* и *ex post facto*, притом к таким разнообразным явлениям, что в их непосредственной полезности для создания и проверки теории можно усомниться. Например, власть, законность, авторитет, интересы, господство, даже конфликт определены настолько широко, что примеры, подтверждающие эти понятия, можно обнаружить почти в любой эмпирической ситуации, какую захочет выбрать Дарендорф, – стратегия, обеспечивающая подтверждение его допущений относительно общественной жизни, но препятствует эмпирическому исследованию этих допущений.

Другая методологическая проблема, связанная с этой схемой, возникает из-за тавтологического характера всего теоретического направления в целом. В той мере, в какой предложения схемы истинны больше по определению, чем по выведению, в той же мере вся теоретическая схема является неопровержимой – даже в принципе – и, следовательно, приносит мало пользы созданию научной теории. До тех пор, пока дихотомическое разделение отношений авторитета на господство и подчинение, приводящее к объективной противоположности интересов, входит в состав определения социальной действительности, трудно усмотреть, из чего следуют образование конфликтных групп и возникновение открытого конфликта, если не из их определения – и это несмотря на то, что существуют специальные наукообразные пред-

²³ Ibid. P. 170.

²⁴ Ibid. P. 241–318.

ложения относительно «опосредующих эмпирических условий», которые «вызывают» появление подобных конфликтов. Как уже было замечено выше, эта опасность тавтологии может быть скорректирована, если центральные понятия, как, например, «законность», «авторитет», «господство – подчинение» и «интересы», будут концептуализированы в качестве переменных, причем будет подготовлен пробный перечень «опосредующих эмпирических условий», влияющих на их изменения.

Дарендорф, уподобляя функциональное теоретизирование идеологической утопии, тем самым стал одним из самых суровых его критиков. Для того чтобы указать социологическому теоретизированию выход «из утопии», Дарендорф счел необходимым изобразить схему диалектического конфликта, которая, возможно, точнее отражает «реальный характер» социальной действительности по сравнению с функционализмом Парсонса.

В «решении» Дарендорфом «проблемы порядка» особенно любопытно следующее обстоятельство: оно очень похоже на то решение, которое он вменял в вину функционализму Парсонса²⁵. Например, ряд комментаторов²⁶ заметили, что и Парсонс, и Дарендорф рассматривают социальную действительность на языке институционализированных образцов: у Парсонса это «социальные системы», у Дарендорфа – «императивно координированные ассоциации». Оба они считают, что общество состоит из подсистем, связанных с организацией ролей с точки зрения легитимизированных нормативных предписаний.

По модели Дарендорфа всякое отклонение от установленных норм вызовет попытки господствующих групп применять негативные санкции – позиция, очень близкая к точке зрения Парсонса, согласно которой власть существует для того, чтобы корректировать отклонения внутри системы²⁷.

Очевидное различие между Дарендорфом и Парсонсом в понимании «функций» власти в «социальных системах» (или ИКА) состоит в том, что Дарендорф эксплицитно показывает, каким образом различия в распределении власти вызывают и интеграцию (благодаря легитимизированным отношениям авторитета), и дезинтеграцию (благодаря устойчивости противоположных интересов). Однако говорить о том, что конфликт вспыхивает на почве легитимизированного авторитета, – значит, всего лишь априорно утверждать, что противоположность интересов существует и вызывает конфликт. Возникновение конфликта выводится из весьма неясных допущений относительно таких процессов, как «внутренняя диалектика власти и авторитета» и «историческая функция авторитета»²⁸, а не из скрупулезно доказанных причин и следствий. Таким образом, в собственной модели Дарендорфа генезис конфликта остается столь же необъяснимым, и в функциональной утопии, которую он изображает как неадекватную – и прежде всего потому, что конфликт появляется на фоне не получивших своего объяснения концепций «системных» норм и легитимизированного авторитета²⁹.

Однако в более фундаментальном плане неспособность Дарендорфа объяснить, как возникают конфликты и изменения, проистекает из его неумения серьезно взяться за проблему порядка: как и почему возможна организация ИКА? Утверждать, что они организованы за счет власти и авторитета, – значит, полностью снять вопрос о том, как, почему и при помощи чего

²⁵ Что касается самых лучших критических аргументов, см.: *Weingardt P. Beyond Parsons? A Critique of Ralf Darendorf's Conflict Theory // Social Forces. December 1969. No. 48.*

²⁶ *Ibid.*; *van den Berghe P. Dialectic and Functionalism: Toward a Theoretical Synthesis // American Sociological Review. October 1963. No. 28. P. 695–705.*

²⁷ *Ibid.* P. 230.

²⁸ *Weingardt. Beyond Parsons. P. 161.*

²⁹ *Boskoff A. The Mosaic of Sociological Theory. P. 82–83.*

в институционализированных образцах начинаются процессы, порождающие одновременно и интеграцию, и конфликты.

В общем критики пришли к выводу о том, что риторическое применение Дарендорфом таких понятий, как «насилие», «диалектика», «господство и подчинение» и «конфликт», должно было замаскировать представление о социальной действительности, близкое утопическим представлениям, которые он ставил в вину работам Парсонса: в ИКА Дарендорфа замаскирована «социальная система» Парсонса; его понятия роли и авторитета имеют прямое отношение к социальному контролю Парсонса; в его изображении конфликта происхождение конфликта остается таким же неясным, каким оно, по его предположениям, является в работах Парсонса; а в анализе социальных изменений даже считается, что конфликт удовлетворяет функциональную потребность в переменах (что очень напоминает Парсонса). На основе всех этих фактов можно сделать окончательный вывод: на пути, ведущем прочь от утопии, достигнут весьма незначительный прогресс.

Конфликтный функционализм Льюиса Козера. В то время как критические замечания в адрес функционализма начинают все больше походить друг на друга, предложенные в качестве альтернативы конфликтные схемы становятся разнообразнее. Расхождения в теории конфликта более заметны, если сравнивать конфликтный функционализм Л. Козера с направлением диалектического конфликта Р. Дарендорфа. Хотя Козер постоянно подвергал критике парсонсовский функционализм за то, что тот не обращался к проблеме конфликта, он не менее резко критиковал и Дарендорфа – за то, что тот не придавал должного значения позитивным функциям конфликта, необходимого для сохранения социальных систем. Эти обвинения, идущие в двух направлениях, позволили Козеру сформулировать теоретическую схему, которая может быть дополнена как функциональным теоретизированием, так и диалектической теорией конфликта.

Свою первую большую работу, посвященную конфликту³⁰, Козер начал с такого полемического выпада против функционализма, который впоследствии стал типичным: конфликту уделяется слишком мало внимания, причем связанные с ним явления, например, отклонения и разногласия, слишком легко принимаются за «патологические изменения» равновесного состояния социальной системы. Будучи заинтересованным только в том, чтобы наметить систему понятий, обозначающих, каким образом процесс институционализации решает «проблему порядка», Парсонс в своих работах по формальному анализу стал недооценивать конфликт, по-видимому, просто принимая его за «болезнь», для объяснения которой нужно обратиться к механизмам «социального организма»³¹. От этой интерпретации функционализма Парсонса уже не составляло особой сложности перейти к заявлениям о том, что для уравнивания предполагаемой односторонности парсонсовского функционализма требуется другая разновидность одностороннего анализа, концентрирующая свое внимание на явлениях конфликта. По-видимому, осуществление этой аналитической компенсации должно было растянуться более чем на десятилетие, так как в десятую годовщину своей первой полемической работы Козер счел необходимым повторить свое раннее заявление о том, что настало время, чтобы уделять конфликту все больше внимания³².

Несмотря на то, что Козер подобно Дарендорфу постоянно утверждал, что функциональное теоретизирование «слишком часто пренебрегало измерениями власти и интереса»³³, он не обратил внимания – ни вслед за Марксом, ни вслед за Дарендорфом – на разрушитель-

³⁰ Coser L. A. The Functions of Social Conflict. London: Free Press of Glencoe, 1956. P. 22–23.

³¹ Ibid. P. 22–23.

³² Coser L. A. Some Social Functions of Violence // Annals of the American Academy of Political and Social Science. March 1966. Vol. 364.

³³ Coser L. A. Continuities in the Study of Social Conflict. New York: Free Press, 1967. P. 141.

ные последствия насильственного конфликта. Напротив, он стремился скорректировать то, что считал аналитическими издержками Дарендорфа, в первую очередь подчеркивая интегративные и «адаптивные» функции конфликта в социальных системах. Таким образом, в результате Козер сумел оправдать и свои усилия по критике функционализма за его игнорирование конфликта, и свои усилия по критике теории конфликта за ее недооценку функций конфликта. Тем самым Козер подготовил несколько необычное «решение» проблемы порядка, ибо он считал (совсем в духе Георга Зиммеля), что даже открытый конфликт при определенных условиях содействует сохранению жизненности и устойчивости институционализированных образцов социальной организации³⁴.

Несмотря на то, что Козер, по-видимому, настойчиво стремился опровергнуть органицизм социологии Дюркгейма, его собственная работа полна организмических аналогий. Например, оценивая «функции насилия»³⁵, Козер уподобляет насилие телесной боли, поскольку они оба могут служить сигналом, предупреждающим об опасности, который позволяет «социальному организму» осуществить саморегуляцию. Если взять другой пример, то в своем анализе «функции разногласий» Козер отказывается от представлений о том, что разногласия можно объяснить с точки зрения «болезни» отдельного человека, и допускает, что «разногласия гораздо легче объяснить в качестве реакции на то, что воспринимается как болезнь социального организма»³⁶. Эта форма аналогии не обязательно умаляет силу анализа Козера, однако она свидетельствует о том, что он не отказался от органицизма. По-видимому, Козер считал необходимым подвергнуть критике органицизм Дюркгейма потому, что он не позволял исследовать конфликт в качестве такого процесса, который может содействовать дальнейшей адаптации и интеграции «социального организма»³⁷.

Вскрыв аналитические неувязки применяемого Дюркгеймом метода аналогий, Козер был вынужден принять органицизм Георга Зиммеля. Отныне конфликт стало возможным рассматривать как процесс, который при определенных условиях может «функционировать», чтобы сохранить «социальный организм» или какие-нибудь жизненно важные для него части. С этих удобных позиций Козер создал свой образ общества, в котором он подчеркнул следующее:

1. Социальный мир можно рассматривать как систему различным образом взаимосвязанных частей.
2. В любой социальной системе различным образом взаимосвязанных частей обнаруживаются отсутствие равновесия, напряженность, конфликтные интересы.
3. Процессы, протекающие в составных частях системы и между ними, при определенных условиях содействуют сохранению, изменению, возрастанию или уменьшению интеграции и «адаптивности» системы.

³⁴ Перечень некоторых выдающихся работ Козера, которые в дальнейшем будут использованы в нашем анализе, позволяют ощутить в развиваемом им конфликтном направлении дух функционализма: *Coser L. A. Functions of Social Conflict; Some Social Functions of Violence // Annals of the American Academy of Political and Social Science. March 1966. Vol. 364; Some Functions of Deviant Behaviour and Normative Flexibility // American Journal of Sociology. September 1962. No. 68. P. 172–181; The Functions of Dissent // The Dynamics of Dissent. New York: Grune & Stratton, 1968. P. 158–170.* Другие его выдающиеся работы имеют не столь выразительные названия, но по своему содержанию носят критический характер: *Social Conflict and the Theory of Social Change // British Journal of Sociology. September 1957. No. 8. P. 197–207; Violence and the Social Structure // Science and Psychoanalysis / ed. J. Masserman. Vol. 7. New York, 1963. P. 30–42.* Эти и другие очерки собраны Козером в: *Continuities in the Study of Social Conflict.*

³⁵ *Coser L. A. Some Functions of Violence. P. 12–13.*

³⁶ *Coser L. A. The Functions of Dissent. P. 159–160.*

³⁷ Любопытно, что такое подчеркивание «позитивных функций» конфликта могло быть истолковано в качестве кульминационного пункта консервативной идеологии, а ведь оно приписывалось исключительно Парсонсу. Даже конфликт содействует интеграции, а не разрушению, дезинтеграции, переменам. Такое общество, как доказывал бы Дарендорф, больше не имеет безобразного облика и столь же утопично, как и общество Парсонса. Что касается ответа Козера на подобные обвинения, см.: *Coser L. A. Continuities in the Study of Social Conflict. P. 1, 5.*

4. Многие процессы, которые, как обычно считается, разрушают систему (например, насилие, разногласия, отклонения и конфликты), при определенных условиях укрепляют основы интеграции системы, а также ее «приспособляемость» к окружающим условиям.

Именно на основе этих допущений Козер развил довольно широкий круг тезисов относительно функций (а в некоторой, весьма ограниченной степени и относительно дисфункций) конфликта в социальных системах. Несмотря на то, что Козер предлагает несколько суждений относительно условий, при которых конфликт приводит к разрушению и дезинтеграции социальных систем, все же острие его анализа направлено на выделение причинных цепей, которые отвечают за то, каким образом конфликт сохраняет или восстанавливает интеграцию системы и ее приспособляемость к меняющимся условиям. Эти представления позволяют обнаружить устойчивые ряды причинных зависимостей: 1) нарушает интеграцию составных частей социального целого, 2) приводит к вспышкам самых разнообразных конфликтов между составными частями, что, в свою очередь, 3) вызывает временную дезинтеграцию целостной системы; при определенных условиях, это 4) делает социальную структуру более гибкой, что, в свою очередь, 5) усиливает способность системы избавляться при помощи конфликта от грозящих ей в будущем нарушений равновесия, а это приводит к тому, что 6) система обнаруживает высокий уровень приспособляемости к изменяющимся условиям.

Эти причинные представления сталкиваются с рядом совершенно очевидных проблем, самой серьезной из которых является то обстоятельство, что в них, как и в функциональном императивизме Парсонса, процессы, протекающие в системе, слишком часто рассматриваются только в отношении их вклада в интеграцию и адаптацию системы. Такое акцентирование позитивных функций конфликта помогает обнаружить глубоко запрятанные допущения относительно того, что с «потребностями» системы можно познакомиться только через посредство функций конфликта. Хотя Козер старательно подчеркивает, что он просто исправляет равнодушные исследователей к позитивным функциям конфликта, эта стратегия восстановления аналитического равновесия имеет весьма сомнительную ценность, поскольку она приводит к той самой аналитической односторонности, которую автор стремится исправить.

Несмотря на эти недостатки, созданный Козером образ социальной организации получил свое выражение в ряде многообещающих предложений относительно функций конфликта в социальных системах. В таком виде схема вносит гораздо большую ясность, чем в том случае, если бы она была изложена в виде кластера допущений и причинных образов. Будучи равной им по своему значению, схема становится более проверяемой и лучше поддающейся переформулировке на основе эмпирических открытий.

Используя содержание и стиль анализа Георга Зиммеля, Козер расширил сферу первоначальных исследований Зиммеля, включая современную литературу по проблеме конфликта положения, исходящие не только от Маркса, но и из других источников. Хотя в схеме Козера обнаруживается множество проблем, возникающих из-за того, что его интересуют в первую очередь функции конфликта, конфликтное направление Козера все же остается одним из наиболее всеобъемлющих. Его всеобщий характер проявляется в том, что тезисы схемы охватывают широкий круг переменных явлений: 1) причины конфликта; 2) остроту конфликта; 3) длительность конфликта; 4) функции конфликта. Под каждую из этих рубрик в суждения отношений, связывающих абстрактные понятия, включаются самые разнообразные специфические переменные.

Единственный упрек, который можно сделать по поводу составленного Козером перечня предложений, состоит в том, что в отличие от попыток Дарендорфа он не был представлен в систематической или упорядоченной форме. Скорее, все эти высказывания появляются в целом ряде описательных очерков, посвященных наиболее существенным вопросам, а также в его анализе очерка Зиммеля по проблеме конфликта. В то время как каждое его отдельное

положение обычно бывает изложено абсолютно ясно, точные взаимосвязи между различными предложениями зачастую нуждаются в интерпретации, причем возникает некоторая опасность неправильного истолкования.

Козер считает, что причины конфликта в конечном итоге коренятся в таких условиях, когда ныне существующей системе распределения начинают отказывать в законности, когда налицо интенсивное обнищание (табл. 6, предложения 1 и 2).

Таблица 6

Причины конфликта³⁸

I. Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликта.

A. Чем меньше каналов, по которым группы могут излить свое недовольство по поводу распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны усомниться в законности.

1. Чем меньше в неимущих группах имеется организаций, между которыми распределяется эмоциональная энергия членов этих групп, тем более вероятно, что неимущие группы, не имеющие других поводов для жалоб, должны усомниться в законности.

2. Чем больше личные лишения членов неимущих групп, не имеющих возможности излить свое недовольство, тем более вероятно, что они должны усомниться в законности.

B. Чем больше члены неимущих групп пытаются перейти в привилегированные группы, чем меньше допускаемая при этом мобильность, тем вероятнее, что они не станут придерживаться законности.

II. Чем больше обнищание групп из абсолютного превращается в относительное, тем более вероятно, что эти группы станут зачинщиками конфликтов.

A. Чем в меньшей степени социализация, испытываемая членами неимущих групп, порождает у них внутреннюю личную принужденность, тем более вероятно, что они должны испытывать относительное обнищание.

B. Чем меньше внешних принуждений испытывают члены неимущих групп, тем больше вероятность того, что они испытывают относительное обнищание.

Отказ в законности, в свою очередь, рассматривается в качестве результата действия социальных структурных переменных, как, например, возможности открыто выражать недовольство в пределах социальной системы, уровня минимальной взаимной лояльности, необходимой для существования социальной системы, и уровня допускаемой в системе мобильности, тогда как на интенсификацию обнищания, по его мнению, оказывает влияние весь контекст социализации и различные структурные ограничения, которые могут быть наложены на неимущие группы.

Этот перечень тезисов, совершенно очевидно, многим обязан Марксу, поскольку здесь считается, что источником конфликта служит неравенство в распределении вознаграждений и неудовлетворенность обездоленных таким распределением. У Маркса, по-видимому, заимствовано и особое внимание к структурным условиям (предложения I-A, 1, 2.), влияющим на возбуждение эмоциональной энергии неимущих групп, особенно по мере того, как абсолютное обнищание переходит в относительное (тезис II). В то же время Козер, как и Дарендорф,

³⁸ См.: Coser L.: 1) The Functions of Social Conflict; 2) Social Conflict and the Theory of Social Change; 3) Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution; 4) Functions of Social Conflict.

подчеркнул, что для снижения вероятности конфликта большое значение имеет социальная мобильность между господствующими и подчиненными группами. Кроме того, особое значение придается психологическим переменным, как, например, личным лишениям и угнетению личности, на которые оказывают свое влияние структурные силы и которые, в свою очередь, воздействуют на вероятность возникновения открытого конфликта.

Благодаря исследованиям Козера становится совершенно очевидным, что предложения, представленные в этом перечне, довольно туманны и нуждаются в дополнениях, заимствованных из других источников. Этот недостаток внимания к причинам конфликта, возможно, становится понятным в свете интеллектуальных заимствований Козера у Зиммеля, который мало что имел сказать по поводу этой фазы конфликтных процессов. Тем не менее, именно благодаря тому, что Козер многое заимствовал у Зиммеля и, кроме того, отдавал себе полный отчет в значении Маркса, его анализ остроты, длительности и функций конфликта стал гораздо более глубоким.

В тезисах, приведенных в табл. 7, Козер отмечает, что остроту конфликтных отношений в системе можно объяснить, если рассмотреть взаимосвязи между такими переменными, как эмоции, вызванные у участников конфликта, жесткость социальной структуры, уровень реализма в конфликте, мера, в какой возникновение конфликта связано с наиболее существенными ценностями и проблемами, степень, в какой он может получить свое воплощение за пределами личных интересов. Хотя все эти переменные считались важными. Козер стремился подчеркнуть первенствующее значение первых двух – жесткости социальной структуры и вызванных конфликтом эмоций, – которые, по-видимому, определяют, будет ли конфликт объективированным, реалистическим, будет ли он вызван самыми существенными ценностями и проблемами.

Таблица 7

Острота конфликта

I. Чем больше осуществляется условий, вызывающих возникновение конфликта, тем он острее.

II. Чем больше эмоций вызывает конфликт у тех, кто в нем участвует, тем острее сам конфликт.

A. Чем больше участников конфликта связывают первичные отношения, тем больше эмоций он у них вызывает.

1. Чем меньше первичные группы, в которых происходит конфликт, тем сильнее его эмоциональный накал.

2. Чем больше связи между участниками конфликта являются первичными, тем меньше вероятность открытого выражения враждебности, но тем сильнее она проявляется в конфликтной ситуации.

B. Чем больше вторичных связей между участниками конфликта, тем фрагментарнее их участие в нем, тем меньше они вовлечены в него эмоционально.

1. Чем больше вторичных отношений, тем конфликты чаще, а их эмоциональный накал слабее.

2. Чем крупнее вторичные группы, тем конфликты чаще, а их эмоциональный накал слабее.

III. Чем более жесткой является социальная структура, тем меньше в ней будет институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность, тем острее будет конфликт.

A. Чем больше участников конфликта там, где он происходит, связывают первичные отношения, тем жестче структура.

1. Чем менее устойчивы первичные отношения, тем жестче их структура.
2. Чем более устойчивы первичные отношения, тем свободнее их структура.

Б. Чем больше вторичных (основывающихся на функциональных взаимосвязях) отношений между участниками конфликта там, где он происходит, тем вероятнее наличие институциональных средств, необходимых для того, чтобы погасить конфликт и снять напряженность, тем мягче конфликт.

В. Чем больше механизм управления системой, тем жестче ее структура и острее конфликт.

IV. Чем больше группы, вовлеченные в конфликт, преследуют свои реалистические (объективные) интересы, тем мягче конфликт.

А. Чем больше группы, принимающие участие в конфликте, преследуют свои реалистические (объективные) интересы, тем выше вероятность того, что они попытаются найти компромиссные способы реализовать свои интересы.

1. Чем больше различия в распределении власти между группами, принимающими участие в конфликте, тем меньше вероятность того, что они попытаются отыскать альтернативные средства.

2. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем меньше в ней альтернативных средств.

V. Чем в большей мере группы конфликтуют из-за нереалистических спорных вопросов (ложных интересов), тем острее конфликт.

А. Чем в большей мере конфликт происходит из-за нереалистических проблем, тем сильнее эмоции его участников, тем острее конфликт.

1. Чем острее были предыдущие конфликты между данными группами, тем сильнее их эмоции по поводу последующих конфликтов.

Б. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что конфликт окажется нереалистическим.

В. Чем дольше длится реалистический конфликт, тем больше возникает нереалистических спорных проблем.

Г. Чем в большей мере возникновение конфликтных групп было обусловлено целями конфликта, тем нереалистичнее последующие конфликты.

VI. Чем в большей мере конфликты объективируются за пределами индивидуальных интересов и на более высоком уровне, тем острее конфликт.

А. Чем в большей мере группа едина в идеологическом отношении, тем дальше выходят конфликты за пределы личных интересов.

1. Чем выше идеологическое единство группы, тем большее распространение получают в ней ее общие цели, тем больше они выходят за пределы личных интересов.

2. Чем выше идеологическое единство группы, тем лучше осознаются конфликты, тем дальше они выходят за пределы личных интересов.

VII. Чем больше конфликт в группе связан с наиболее существенными ценностями и проблемами, тем он острее.

А. Чем более жесткой является структура, в которой происходит конфликт, тем более вероятно, что возникновение конфликта связано с самыми основными ценностями и проблемами.

Б. Чем больше эмоций вызывает ситуация, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что его возникновение связано с самыми существенными ценностями и проблемами.

В тезисах, приведенных в табл. 8, Козер имеет в виду, что остроту конфликтных отношений в системе можно объяснить, если рассмотреть взаимосвязи между такими переменными, как, например, эмоции, вызванные у участников конфликта, жесткость социальной структуры, уровень реализма в конфликте, мера, в какой возникновение конфликта связано с наиболее существенными ценностями и проблемами, степень, в какой он может получить свое воплощение за пределами личных интересов. Хотя все эти переменные считались важными, Козер стремился подчеркнуть первенствующее значение первых двух – жесткости социальной структуры и вызванных конфликтом эмоций, – которые, по-видимому, определяют, будет ли конфликт объективированным, реалистическим, будет ли он вызван самыми существенными ценностями и проблемами.

Особый интерес представляют тезисы IV и IV-A, потому что они прямо направлены против положения, которое особенно подчеркивал Маркс: осознание своих объективных интересов приводит к острому (революционному) конфликту. Заимствуя эту мысль у Зиммеля, Козер подчеркивает, что ясная осознанность конфликтных интересов (реалистический конфликт), вероятно, заставит участников конфликта искать компромиссы и иные средства, альтернативные открытому конфликту, с тем, чтобы, попытаться избежать больших издержек, связанных с острым конфликтом. Вместе с тем Козер считает, что в жестких социальных системах довольно вероятны нереалистические конфликты, поскольку здесь совершенно невероятно осуществление истинных интересов. Тем не менее Маркс совершенно справедливо уловил, что в таких жестких системах острый конфликт в высшей степени вероятен, поскольку скорее всего он окажется нереалистическим (V тезис Козера), будет обременен вызванными им эмоциями (II), возникнет благодаря накопившемуся недовольству (III) и получит свое воплощение за пределами личных интересов (VI).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.